

Нелли Блай ВОКРУГ СВЕТА ЗА 72 ДНЯ

Перевод с английского В. Пахомова

Нелли Блай
(1864 - 1922)

ГЛАВА 1

ИДЕЯ КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Откуда взялась эта идея?

Иногда трудно точно сказать, что порождает какую-либо идею. Идеи — это самое главный товар, которым торгуют газетные авторы, как правило, их весьма немного, но иногда запасы их пополняются.

Эта мысль посетила меня в одно из воскресений. Большую часть дня и половину ночи я мучилась в тщетных попытках придумать какую-нибудь тему для газетной статьи. Таков уж мой стиль — придумывать ее в воскресенье и откладывать до ее одобрения или неодобрения моим редактором в понедельник. Но в тот день у меня ничего не получалось, и в три часа утра, совершенно обессиленная и с раскалывающейся от боли головой, я ткнулась в подушку. Наконец, утомленная и раздраженная своей медлительностью в поисках нужного для недельной работы сюжета, я подумала: «Хотела бы я сейчас быть на другом конце света!»

— А почему бы и нет? — последовал мысленный ответ. — Мне нужен отпуск, почему бы мне не попутешествовать по миру?»

И тут, как вы, наверное, уже с легкостью догадались, одна мысль последовала за другой.

Идея кругосветного путешествия понравилась мне, и я добавила: «А если бы мне удалось сделать это так же быстро, как Филеасу Фоггу, то мне тем более стоит поехать».

Затем я поразмышляла о том, можно ли совершить такую поездку за восемьдесят дней, после чего сладко заснула — с твердым намерением до возвращения в свою постель выяснить, можно ли побить рекорд Филеаса Фогга.

В тот день я пошла в офис пароходной компании и ознакомилась с расписаниями. Удобно устроившись, с большим волнением изучила их, и если бы я нашла эликсир жизни, я бы никогда не чувствовала себя лучше, как в ту минуту, когда у меня зародилась надежда, объехать всю Землю за восемьдесят дней — вполне осуществимо.

С некоей робостью предстала я перед своим редактором. Я боялась, что он подумает, что эта идея слишком дика и фантастична.

— Ну, как, есть у вас какие-нибудь идеи? — спросил он, когда я уселась у его стола.

— Есть одна, — тихо ответила я.

Он сидел, поигрывая своим пером, терпеливо ожидая, когда я продолжу, и тогда я просто выпалила:

— Я хочу объехать весь мир!

— И? — произнес он вопросительно, его глаза улыбались.

— Я хочу совершить кругосветное путешествие за восемьдесят дней или меньше. Я думаю, что смогу побить рекорд Филеаса Фогга. Могу ли я попробовать?

К ужасу моему он ответил мне, что редакция уже обсуждала этот проект и участие в нем мужчины. Тем не менее, в качестве утешения он сказал мне, что лично он согласен, чтобы я поехала, а потом мы обсудили этот вопрос с управляющим.

— Для вас это устроить никак невозможно, — таков был его ужасный вердикт. — Во-первых, вы женщина, и вам нужен кто-нибудь, кто защищал бы вас, но даже если бы вы могли путешествовать в одиночку, вам пришлось бы нести столько багажа, что именно тогда, когда вам потребуется действовать быстро, он наверняка будет задерживать вас. И, кроме того, вы говорите только по-английски, так что дальнейшее обсуждение бесполезно — никто, кроме мужчины не сможет этого сделать.

— Очень хорошо, — сердито ответила я. — Посылайте этого человека, и я в тот же день отправлюсь от другой газеты и обгоню его.

— Да, я полагаю, вы бы сумели, — медленно проговорил он. Я бы не сказала, что именно это повлияло на их решение, но я твердо знаю, что до

того, как мы расстались, я была рада данному мне обещанию, что если кому-нибудь и поручат совершить такое путешествие, то этим человеком буду именно я.

После того, как договоренность была достигнута, появились другие — не менее важные новостийные проекты, посему эта довольно и эта довольно непрактичная идея на некоторое время отошла в сторону.

Одним сырым и холодным вечером, год спустя после этого разговора, я получила небольшую записку с просьбой немедленно прийти в редакцию. Такое приглашение, да еще и столь поздним вечером, так удивило меня, что я вполне достойна прощения за то, что в течение всего времени по пути в редакцию я пыталась угадать, в чем я провинилась.

Я вошла и, усевшись напротив редактора, стала ждать, пока он заговорит. Он поднял глаза от лежавшей перед ним бумаги и спокойно спросил: «Вы можете начать свое путешествие послезавтра?»

— Я могу начать сию минуту, — ответила я, изо всех сил стараясь унять бешеный стук своего сердца.

— Мы подумывали о том, что вам бы стоило завтра утром сесть на «Сити оф Пэрис» — с тем, чтобы у вас был достаточный запас времени на то, чтобы попасть на почтовый поезд из Лондона. Есть

вероятность того, что «Августа Виктория», которая уходит послезавтра, попадет в шторм, и вы не сможете воспользоваться им.

— Я попытаю счастья на «Августе Виктории» и сохраню один день, — ответила я.

На следующее утро я отправилась к Гормли, модной портнихе, чтобы заказать себе платье. Я приехала к ней после одиннадцати, и мне потребовалось лишь несколько минут, чтобы рассказать ее о том, что мне нужно.

Я привыкла считать, что для того, кто в правильном направлении применяет нужное количество энергии, нет ничего невозможного. И когда я хочу, чтобы все было сделано, что всегда случается в самый в последний момент, и слышу такой ответ: «Уже слишком поздно. Я почти не уверен, что это можно сделать», я просто отвечаю:

— Глупости! Если вы хотите это сделать, вы можете это сделать. Вопрос лишь в том, хотите ли вы это сделать?

Я еще никогда не встречала такого мужчину или женщину, которая, не будучи уязвленной таким ответом, не добилась бы наилучшего результата.

Если мы хотим получить что-нибудь от других или сами хотим что-либо сделать для себя, не должно быть и капли сомнения в том, что задуманное свершится.

Итак, я пришла к Гормли, я сказала ей: «Я

хочу платье к сегодняшнему вечеру».

— Прекрасно, — беззаботно ответила она, так, словно ей каждый день приходится шить для какой-нибудь юной леди заказанное ей платье всего за несколько часов.

— Я хочу такое платье, которое я могла бы носить в качестве повседневной одежды в течение трех месяцев, — добавила я, а затем оставила ее в покое.

Извлеки несколько разных видов ткани, она, разложив их красивыми волнами на небольшом столе, некоторое время рассматривала их через стоявшего перед ней трюмо.

Он не нервничала и не суетилась. И все то время, пока она изучала эти разнообразные ткани, она продолжала вести легкую и непринужденную беседу. Спустя пару минут она выбрала простое синего цвета сукно и шотландку из верблюжьей шерсти — самую прочные и удобные ткани для платья путешественника.

Прежде чем я покинула ее, возможно, около час, у меня состоялась первая примерка. Когда же около пяти я вернулась на вторую, платье уже было закончено. Я сочла эту расторопность и аккуратность хорошим предзнаменованием — в полной мере соответствующим самой сути задуманного путешествия.

После визита к Гормли я отправилась в ателье

и заказала ольстер ¹. Затем, перейдя к другой портнихе, я заказала более легкое платье, чтобы носить его там, где я встречу лето.

Решив ограничить количество своего багажа до минимума, я купила лишь один саквояж.

Вечером мне оставалось лишь написать несколько прощальных слов своим друзьям и упаковать саквояж.

Его упаковывание стало самой трудной задачей в моей жизни, ведь так много нужно было втиснуть в такое малое пространство.

Я впихнула в него все, кроме своего второго платья. Решений у этой задачи было два — либо добавить к своему багажу еще один пакет, либо объехать весь мир в одном-единственном платье. Я всегда ненавидела пакеты, поэтому я пожертвовала этим платьем, но зато, взяв прошлогодний шелковый лиф, я, после значительных приложенных к его сжатию усилий, сумела вжать его в свой саквояж.

Я думаю, что я одна из самых суеверных в мире девушек. За день до того, как решение о моей поездке было утверждено, мой редактор рассказал мне, что он видел плохой сон. Будто бы я подошла к нему и сказала, что буду участвовать в скачках.

---

¹ Длинное пальто свободного покроя. — Прим. перев.

Сомневаясь в моих жокейских способностях, он решил не смотреть и отвернулся. Он слышал звуки игравшего, как обычно бывает в таких случаях оркестра, и аплодисменты приветствующей дошедших до финиша соревнующихся публики. А затем я подошла к нему, заплакала и сказала: «Я проиграла».

— Я знаю, что означает этот сон, — сказала я, когда закончил. — Я буду собирать новости, а кто-то будет мешать мне.

Когда на следующий день мне сказали, что мне предстоит объехать весь мир, меня объял ужас. Я боялась, что само Время выиграет эту гонку, и что я не совершу этот тур ни за восемьдесят дней, ни за меньшее время.

Не легче я себя чувствовала и после того, когда мне сообщили, что мне следует закончить путешествие в кратчайшие сроки и по возможности в эту пору года. Почти год я страдала от сильных головных болей и лишь неделю назад я обратилась к некоторым видным врачам, опасаясь того, что мое здоровье ухудшилось из-за слишком интенсивной работы. Фактически, я работаю в газете около тех лет, и за все это время у меня даже дня отдыха не было. Неудивительно, что я воспринимала эту поездку как невероятно восхитительный и очень необходимый мне отпуск.

Вечером накануне отъезда я зашла в редакцию

и получила 200 фунтов стерлингов золотом и ассигнациями Английского банка. Золото я положила в карман, а банковские ассигнации — в замшевый мешочек, — его я повесила на шею. Кроме того, я взяла несколько американских золотых монет и бумажных купюр — для использования в разных портах — чтобы узнать, насколько известны американские деньги за пределами Америки.

На дне моего саквояжа лежал специальный паспорт, за номером 247, подписанный Государственным секретарем США Джеймсом Г. Блейном. Кто-то предположил, что револьвер может стать хорошим компаньоном этому паспорту, но я настолько сильно верила в то, что мир будет также доброжелательно относиться ко мне, как и я к нему, что я решила не вооружаться. Я знала, что если я буду правильно себя вести, я всегда встречу того мужчину, который с готовностью защитит меня, будь он американцем, англичанином, французом, немцем или кем-либо еще.

В Нью-Йорке я могла купить один билет на всю поездку, но учла то, что в случае необходимости мой маршрут мог измениться практически в любом месте, так что единственным билетом, который я предъявила по отъезде из Нью-Йорка, был моим билет в Лондон.

Я пришла в редакцию, чтобы попрощаться, и тут выяснилось, что никакого заранее спланированного маршрута моего турне нет, зато есть некоторые сомнения относительно того, отправляется ли каждую пятницу вечером из Лондона в Бриндизи тот самый почтовый поезд, на котором я собиралась продолжать свое путешествие. Точно так же никто не знал, уходит ли на той неделе, когда я прибуду в Лондон, тот нужный мне пароход в Индию или Китай. В результате вышло так, что когда я прибыла в Бриндизи и обнаружила, что корабль уходит в Австралию, в тот момент я была самой удивленной девушкой в мире.

Я последовала за отправленным в офис пароходной компании человеком для того, чтобы попытаться составить и уточнить расписание, в общем, сделать так, чтобы все было хорошо. Насколько эти усилия оправдались, вы узнаете чуть позже.

После моего возвращения меня часто спрашивали, сколько одежды я носила в своем единственном саквояже. Одни думали, что еще одно такое же платье, другие полагали, что шелковое, поскольку оно занимает немного места, а третьи спрашивали, не покупала ли я того, что мне было нужно в посещенных мной портах.

Никто не знает, какими возможностями

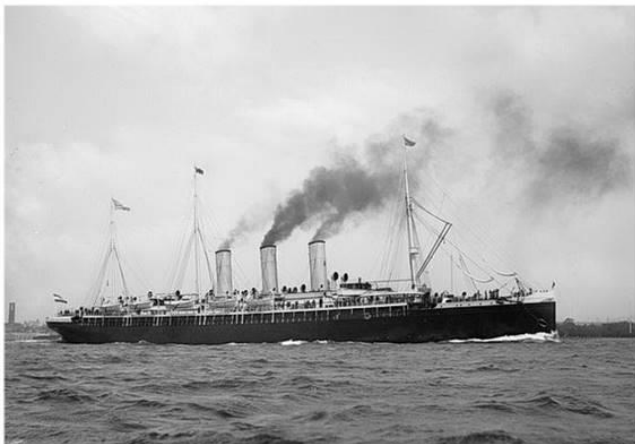
обладает обычный саквояж, пока жестокая необходимость не заставит его привлечь всю свою изобретательность, чтобы уменьшить каждую вещь до наименьшего, на который она была способна, объема. О себе скажу так — в свой саквояж я смогла уложить две дорожные шляпки, три вуали, пару тапочек, полный набор туалетных принадлежностей, чернильницу, перья, карандаши и бумагу, булавки, иглы и нитки, халат, теннисную блузу, небольшую фляжку и чашку для питья, несколько полных комплектов нижнего белья, множество новейших носовых платков и рюшей, а также весьма увесистую и совершенно незаменимую банку холодного крема, — чтобы сохранять свое лицо во всех климатах, с каковыми мне предстояло столкнуться.

Эта самая банка была проклятием моей жизни. Мне постоянно казалось, что она занимает в саквояже намного больше места, чем все остальное, и всегда лежит так, чтобы помешать мне закрыть его. Свои плечи я покрывала накидкой из водонепроницаемого шелка — это единственная вещь, которую я взяла с собой для спасения от дождя. Опыт показал, что я взяла с собой намного больше, чем могла бы взять. В каждом из портов, где я бывала, я могла бы купить что-нибудь из готового платья, за исключением, возможно, Адена, но поскольку лавок я не посещала, то и сказать по

этому поводку мне нечего.

А вот как быть со стиркой во время такого быстрого вояжа? — эта проблема очень беспокоила меня еще до его начала. Я думала, что лишь один или два раза в течение своего путешествия я смогу воспользоваться услугами прачки. Я знала, что в поезде сделать это будет невозможно, но ведь самые длинные поездки по железной дороге ограничивались двумя днями поездки от Лондона до Бриндизи, и четырьмя днями от Сан-Франциско до Нью-Йорка. На атлантических пароходах прачек нет. На пароходах «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company», обычно именуемыми «P&O» и курсирующими между Бриндизи и Китаем, интендант каждый день устраивает такую стирку, которая могла бы ошеломить даже самую большую прачечную Америки. Несмотря на то, что на самих пароходах не стирают, в каждом из портов, в которых они останавливаются, есть множество знатоков, жаждущих показать, на что способна «Orientals» по части стирки. Шести часов вполне достаточно для них, и если они обещают, что работа будет сделана к определенному времени, они сдадут ее минута в минуту. Возможно, причина в том, что им самим одежда не нужна, но зато они в полной мере ценят те деньги, которые они должны получить за свой труд. Их цены по сравнению с ценами прачечных Нью-Йорка, удивительно низки.

Но — хватит обо всех этих хлопотах. Если вы путешествуете просто ради путешествия, а не для того, чтобы производить впечатление на своих попутчиков, вопрос, что с собой взять, решается очень просто. Однажды — в Гонконге, где меня пригласили на официальный ужин, я пожалела, что на мне не было вечернего платья, но утрата этого ужина — сущая мелочь по сравнению с теми тревогами и заботами, которые я имела бы, возя с собой целую кучу сундуков и разных коробок, и которых мне, по счастью, удалось избежать.

Пароход "Августа Виктория"
(Фото конца 19 в.)

ГЛАВА 2

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

В четверг, 14-го ноября 1889 года, в 9 часов,40 минут и 30 секунд утра, я начала свой кругосветный тур.

Те, кто думают, что эта ночь — лучшая часть суток, и что утро создано именно для сна, знают, как некомфортно они себя чувствуют, когда по какой-то причине им приходится вставать... ну, например, ради молочника.

Я перевернулась несколько раз, прежде чем решила оставить свою постель. Будучи еще совсем сонной, я задумалась — почему кровать намного уютней, а тот пропавший сон, который мог бы закончиться опозданием на поезд, намного слаще именно тогда, когда на службу идти не надо? Я пообещала себе, что по возвращении я когда-нибудь притворюсь, что срочно нужно встать, чтобы иметь возможность испытать удовольствие от потери сна, но при этом ничего не потеряв. Я снова сладко задремала, но потом, внезапно обеспокоенная вопросом, хватит ли у меня времени, чтобы успеть попасть на корабль, я тотчас соскочила с кровати.

Разумеется, я очень хотела ехать, но в блаженном бездействии мне думалось, что вот если бы хоть кто-нибудь из тех хороших людей, которые

тратят столько времени на придумывание разных летательных аппаратов, уделяют хоть капельку своей энергии тому, чтобы изобрести такую систему, благодаря которой все пароходы и поезда всегда будут отчаливать или отъезжать в полдень или несколько позже, тем самым они оказали невероятное удовольствие страдающему человечеству.

Я попробовала чего-нибудь съесть, но для завтрака то был слишком ранний час. Пришла пора прощаться. Быстро расцеловав своих родных, я опрометью слетела вниз по лестнице, изо всех сил пытаясь преодолеть тот твердый комок в своем горле, который старался заставить меня пожалеть о предстоящем мне путешествии.

— Не волнуйтесь, — ободряюще сказала я, ведь я так ненавидела это ужасное «до свидания». — Я думаю лишь о том, что теперь у меня есть отпуск и самое приятное время моей жизни.

А затем, чтобы ободрить себя, на пути к кораблю я подумала: «Это всего лишь 28 000 миль, и спустя семьдесят пять дней и четыре часа я вернусь домой».

Потом я попрощалась с несколькими оповещенными заранее своими друзьями. Утро было ясным и солнечным, и все выглядело великолепно, пока пароход стоял на якоре, но

только после того, когда их предупредили, что им следует сойти на берег, я начала осознавать, что это значит для меня.

— Будь храброй, — пожимая мне руку, говорили они. Я видела слезы в их глазах, и я старалась улыбаться, — так чтобы их последнее воспоминание обо мне всегда подбадривало бы их.

Но когда прозвучал свисток, и они стояли на причале, а я — на «Августе Виктории», которая медленно, но верно удаляясь от всего того, что я так хорошо знала, вела меня в незнакомые страны незнакомых людей, я чувствовала себя очень одиноко. В голове моей царил туман, а сердце было готово выпрыгнуть из груди. Только семьдесят пять дней! Да, но этот срок казался вечностью, а мир, потеряв свою округлость, казался мне долгим и бесконечным, и... нет, я никогда не вернусь.

Сколько было возможно, я смотрела на стоявших на причале людей. Такой же счастливой, как в иные времена в свое жизни, я себя не чувствовала. Я грустила, прощаясь с тем, что я видела перед собой.

— Я уезжаю, — печально думала я, — но смогу ли я когда-нибудь вернуться?

Страшная жара, пронизывающий холод, ужасные бури, кораблекрушения, лихорадка — вот какими соответствующих моменту вещами был поглощен мой разум, и в конце концов, я

почувствовала себя так же, как я предполагаю, должен был себя почувствовать тот, кому, прячущемуся в полуночном мраке пещеры, сказали, что все эти ужасы готовы немедленно сожрать его сразу же, если он осмелится выйти наружу.

Утро было просто чудесным, и бухта никогда не выглядела красивее, чем тогда. Корабль бесшумно скользил по водной глади, а присутствовавшие на палубе люди расселись в своих креслах и разлеглись на своих ковриках в таких удобных позах, словно со всей серьезностью решили наслаждаться всем происходящим, ведь они еще не знали, что спустя мгновение кто-то иной получит удовольствие от них самих.

С появлением лоцмана все бросились к борту парохода, чтобы посмотреть, как он спускается по узенькой веревочной лестнице. Я тоже внимательно наблюдала за ним — он сел в ожидавшую его шлюпку — чтобы вернуться на свой лоцманский катер — и не обратил на нас никакого внимания. Для него это была обычная работа, но я не могла удержаться от мысли — вот если бы корабль тонул, неужели, он бы и тогда ни на кого не посмотрел и никому ничего не сказал?

— Вот теперь началось ваше путешествие, — сказал мне кто-то. — Как только лоцман покидает корабль и капитан берет на себя управление им, вот только тогда и начинается наше плавание, так что

можно сказать — теперь вы действительно начали свое кругосветное путешествие.

Что-то в его словах заставило меня вспомнить об этом демоне — морской болезни.

Никогда прежде не совершая морских путешествий, я не могла рассчитывать ни на что иное, кроме как на яростную борьбу с этой напастью моря.

— Вы страдаете морской болезнью? — вопрос был задан сочувственно и очень дружественно, но более ничего не потребовалось — и я бросилась к плану.

Болезнью? Я наклонила голову и, совершенно не обращая на рокот волн, дала волю своим чувствам.

Люди всегда были бесчувственны к морской болезни. Когда, после того, как убрала слезы с глаз, я обернулась, я увидела улыбки — на лице каждого пассажира. Я заметила, что они всегда находятся на том же борту корабля, где и страдалец, стараясь, так сказать, преодолеть вместе с ним свои собственные ощущения.

Их улыбки никак не затронули меня, а какой-то человек шутливо заметил:

— И эта леди собралась объехать весь мир!

Раздался взрыв хохота — я тоже смеялась вместе со всеми. Но в глубине души я просто поражалась тому, насколько я оказалась храброй,

чтобы, будучи такой неопытной, отважиться на морское путешествие. Тем не менее, в конечном результате я нисколько не сомневалась.

И, конечно же, я пошла на ланч. На него отправились все, а некоторые даже несколько поспешно. Я присоединилась к ним, точно не помню, но, возможно, я именно так и сделала. В любом случае, за оставшееся время этого рейса, столько людей в обеденном зале, я ни разу не видела.

Когда ланч был подан, я смело прошла вперед и села по левую руку от капитана. Я была очень решительно настроена жестко противостоять всем своим побуждениям, но в глубине моей души теплился слабый огонек ощущения, что мной управляло нечто намного сильнее моей силы воли.

Ланч начался очень приятно. Официанты двигались совершенно бесшумно, оркестр играл увертюру, капитан Алберс, — элегантный и благодушный, — сидел во главе стола, а его сотрапезники — другие сидящие за его столом пассажиры, приступили к обеду с удовольствием, сравнимым лишь с восторгом рулевого, когда путь его гладок и прекрасен. Я за этим столом, была единственной, кого можно было бы назвать салагой, и я с горечью осознавала этот факт. Так же как и многие другие.

Особенно остро я почувствовала это, пока

подавали суп, я мучилась страхом и сомнениями. Я чувствовала, что все вокруг прекрасно, словно неожиданный подарок на Рождество, и я пыталась прислушиваться к восторженным разговорам о музыке, каковые вели мои спутники, но мои мысли были посвящены той теме, которая никогда бы не обсуждалась за обеденным столом.

Меня то знобило, то бросало в жар. Я чувствовала, что не буду испытывать чувства голода даже если вообще не увижу никакой еды в течение семи дней, действительно, я имела огромное и страстное желание не видеть ее, не есть, да и запаха ее не ощущать до тех пор, пока я либо не выйду на берег, либо не найду согласия с самой собой.

Затем подали рыбу, а капитан Алберс как раз дошел до середины одной интереснейшей истории, когда я почувствовала, что я больше так не могу.

— Простите, — тихо прошептала я и выбежала вон. После оказанной мне в одном укромном месте помощи, небольшого отдыха и успокоения разыгравшихся эмоций, я отважилась последовать совету капитана и вернуться к своему незавершенному обеду.

— Единственный способ победить морскую болезнь — заставить себя кушать, — сказал капитан, и я подумала, что средство достаточно безвредно и его стоит попробовать.

Присутствующие приветствовали мое возвращение. Я вновь испытала то неудобное чувство, что я вновь поведу себя как-то не так, но все же я попыталась сдержать себя. Но это состоялось, и я исчезла с той же скоростью, что и в первый раз.

Я снова вернулась. На этот раз, я была более неуверенной, моя решимость несколько ослабла. Но лишь только я села, как увидела добродушный блеск глаз стюарда — он закрыл мое лицо моим носовым платком, и я чуть не задохнулась до того, как перешагнула порог обеденного зала.

Браво, с которым мои компаньоны любезно приветствовали мое третье возвращение к столу, чуть не свело меня с ума. Я была рада узнать, что обед только что закончился, и смело заявила, что он был великолепен!

Затем я сразу отправилась в постель. Друзьями я пока не обзавелась, а потому решила, что поспать будет намного приятнее, чем просто сидеть в музыкальном салоне и смотреть на других — занятых тем же самым — пассажиров в первый же день путешествия.

Я легла спать чуть позже семи часов. Потом мне подумалось о том, что проснувшись, меня вполне бы устроила чашечка чая, но помимо этой мысли и еще каких-то ужасов я ничего более не видела, пока не услышала чей-то бодрый и веселый

голос.

Открыв глаза, я увидела рядом с моей постелью стюардессу, одну из пассажирок и стоявшего у двери в каюту капитана.

— Мы думали, что вы умерли, — сказал капитан, увидев, что я проснулась.

— Я всегда сплю по утрам, — смущенно ответила я.

— Утрам! — расхохотался капитан, а вслед за ним засмеялись и остальные. — Так ведь сейчас уже половина пятого вечера!

— Ну, ничего, — добавил он успокоительно, — вы поспали, и пошло вам на пользу. А теперь вставайте и посмотрите, не съешьте ли вы большой обед.

Так я и поступила. Я — без всякого содрогания — съела каждое из предложенных к обеду блюд, и что еще удивительнее, я спала той ночью так, как обычно спят люди, которые весь день провели в активных занятиях на свежем воздухе.

Погода была очень плохая, море бурное, но мне это нравилось. Моя морская болезнь прошла, и хотя меня еще мучила довольно болезненное подозрение, что, несмотря на то, что она исчезла, она все еще может вернуться, мне все же удалось взять себя в руки.

Почти все пассажиры, не желая обедать в

общем зале, брали свои блюда на палубу и там, комфортно устроившись в креслах, поедали их с такой с настойчивостью, что со временем это зрелище стало наводить на меня тоску. Одна очень яркая и разумная американская девушка путешествовала одна — она направлялась в Германию, к своим родителям. Она увлеченно занималась всем, что могло доставить ей удовольствие. Она была из тех девушек, которые много говорят, и сама она всегда что-то говорила. Я очень редко, если вообще когда-либо, встречалась с такими как она. На немецком, а также и на английском языке она вполне грамотно могла обсуждать что-либо — начиная с моды и заканчивая политикой. Ее отец и ее дядя были хорошо известными в правительственных кругах лицами, и по манере речи этой девушки было легко убедиться, что она была любимицей своего отца — образованной, прекрасной и женственной. На борту нашего парохода не было ни одного человека, который знал бы о политике, искусстве, литературе или музыке больше, чем эта девушка с волосами Маргариты, и в то же время, никто из нас не был так готов в любое время посоревноваться в беге по палубе, как она.

Я думаю, что для путешественника вполне естественно и никак не преступно желание наслаждаться изучением особенностей характеров

его попутчиков. Прошло не так много времени, но каждый из тех, кто там был, все же хоть немного познакомился с теми, с кем он прежде никогда не встречался. Не буду утверждать, что приобретенные во время совместного путешествия такие знания способны принести какую-нибудь пользу, но в тоже время я не буду пытаться настаивать на том, что те пассажиры, которые часто общались между собой, не находили общих интересных и подходящих тем для обсуждений. Как бы то ни было, занятие это совершенно безвредное, а нам было приятно и не скучно.

Я помню, когда мне сказали, что один из наших пассажиров измерял свой пульс после каждого приема пищи, а были они весьма плотными и морской болезнью не страдал, я с трудом дождалась, пока мне на него укажут, чтобы я могла понаблюдать за ним. Если бы он присматривал за моим пульсом, а не за собственным, я бы не могла быть более заинтересованной. С каждым днем я беспокоилась все больше и больше, так что я с трудом сдерживалась, чтобы не спросить его, уменьшался ли его пульс до еды и возрастал ли после, или же был неизменным с утра до вечера.

Затем, почти утратив свой интерес к этому человеку, я обратила свое внимание на другого — он вел учет количества сделанных за день шагов.

Но и он, в свою очередь, стал мне менее интересен после того, как я узнала, что одна из пассажиров, — очень терзаемая морской болезнью, — ни разу еще не раздевалась с того дня, когда она покинула свой дом в Нью-Йорке.

— Я совершенно уверена — мы все утонем, — доверительно сообщила она мне, — и я решила утонуть одетой!

После этих ее слов я ничуть не удивлялась тому, почему она так страдала от морской болезни.

Одна семья, которая путешествовала из Нью-Йорка в Париж, везла с собой маленького серебристого скайтерьера с довольно необычной кличкой «Дом, милый дом». К счастью для самой собаки, а также для тех, кому приходилось общаться с ней, они сократили его имя до Хоуми.

Проезд Хоуми был оплачен, но, согласно корабельным правилам, забота о нем лежала на мяснике, чем его хозяева были крайне недовольны. Хоуми не привык к такой суровой жизни, и единственное его счастье было в том, что ему разрешили выходить на палубу. Разрешение было предоставлено с условием, что каждый раз, когда Хоуми будет лаять, он немедленно будет уведен вниз. Я опасаюсь, что многие часы своего заключения Хоуми провел у нашей двери, поскольку при каждом упоминании о крысах, он сразу же начинал энергично копать, сопровождая

свои отчаянные попытки короткими и громкими лаями. Каждый день мы с тревогой отмечали, что Хоуми становится все хуже и хуже. Мы поражались тому похудению, которое постигло его в апартаментах мясника, и, в конечном счете, морской болезни, переживать которую он, как и некоторые из пассажиров, предпочитал в пределах каюты. Ближе к концу рейса, когда нам подали колбасу и с гамбургский стейк, очень многие, так, чтобы никто не слышал, интересовались, видел ли кто-нибудь в тот день Хоуми. В этих перешептываниях звучало столько беспокойства, что иногда мне думалось, что они скорее были больше пропитаны личным беспокойством, а вовсе не симпатией к маленькой собачке.

По мере того, как разные развлечения приедались, капитан Алберс, чтобы порадовать нас, всегда изобретал нечто новенькое. Каждый вечер после ужина он рисовал на карточке несколько строк — по числу сидевших за столом пассажиров. Затем он отмечал одну из них и сворачивал карточку так, чтобы отметки не было видно. После этого карточка пускалась по кругу, и каждый джентльмен вписывал в строку свое имя.

Затем карточка возвращалась к капитану, и, затаив дыхание, мы ждали его вердикта. Тот из джентльменов, чье имя находилось в отмеченной строке, оплачивал общий счет — за сигары или

выпивку.

Кроме того, велось много разговоров о том неверном представлении, которое многие граждане других стран имеют об Америке и американцах. Кто-то заметил, что большинство иностранцев не могут сказать, где находятся Соединенные Штаты.

— Есть и такие, которые думают, что Соединенные Штаты — это маленький остров с несколькими домами, — сказал капитан Алберс. — Однажды в мой дом, находящийся возле верфи в Хобокене, из Германии пришло письмо с таким адресом -

«КАПИТАНУ АЛБЕРСУ, АМЕРИКА, ДОМ № 1»

— А я из Германии получил с таким, — произнес самый застенчивый из сидевших за столом джентльменов, он даже покраснел от звука собственного голоса -

«ХОБОКЕН, НАПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ»

Во время ланча 21-го ноября кто-то крикнул, что видит землю. Та быстрота, с которой все, покинув столы, выскочили на палубу, наверняка многократно превышала быстроту спутников

Колумба в тот момент, когда они увидели Америку. Не знаю, почему, но я твердо уверена, что рассматривала эту далекую и туманную землю с намного большим интересом, чем самый красивый пейзаж мира.

Всего за несколько минут палубы наполнились множеством взволнованных и возбужденных людей. Словно, остановившись в каком-нибудь порту, пароход взял на борт новых пассажиров. Мы никак не могли понять, как так вышло, что все они, отбив из Нью-Йорка, наслаждались (?) собственным уединением с того самого дня, как покинули этот порт.

Ужин в тот вечер был очень приятным. В честь тех, кто сходил с парохода в Саутгемптоне, были поданы дополнительные блюда. Семь дней назад, покидая Нью-Йорк, я не была знакома ни с одним из своих попутчиков, но теперь, осознав, что прощание так близко, я очень сожалела о том, что мне суждено расстаться с ними.

Если бы я путешествовала с компаньоном, я бы не чувствовала этого так остро, поскольку у меня, естественно, было бы намного меньше времени на общение с другими пассажирами.

Они были так добры ко мне, что я была бы самой неблагодарной из женщин, если бы не чувствовала, что я оставляю своих друзей. Капитан Алберс, много лет прослуживший морским

капитаном на восточных морях, рассказал мне о том, как я должна заботиться о своем здоровье. По мере того как время моего пребывания на «Августе Виктории», истекало, некоторые из моих компаньонов очень мягко подшучивали надо мной, вознамерившейся побить рекорд героя художественного произведения, и тогда я заметила, что я даже поощряю их — это обманчивое веселье помогало мне скрывать свои истинные страхи.

Все пассажиры «Августы Виктории» пришли провожать нас. Мы сидели на палубе, разговаривали или нервно прогуливались до половины третьего утра. Затем кто-то сказал, что катер уже на месте, и мы все вместе бросились к нему. После того, как он пришвартовался, мы спустились на нижнюю палубу, чтобы узнать, кто прибыл и узнать первые новости с суши.

Один человек был очень обеспокоен моей поездкой в Лондон. Он полагал, что именно из-за того, что было так поздно, а скорее, даже слишком рано, лондонский корреспондент, который должен был встретить меня, не появился.

— Я, конечно же, сойду с корабля здесь и благополучно доставлю вас в Лондон, если никто не встретит вас, — протестовал он, несмотря на все мои заверения в том, что я и без сопровождающего чувствую себя прекрасно и в полной безопасности.

Скорее ради него, чем себя, я внимательно